

Биевцева Мария Николаевна

ГБОУ лицей № 1553 им. В. И. Вернадского, ^{Ак} 11 класс
город Москва

Рег. № 3108

ТЕТРАДЬ

для _____

учени _____ класса _____

школы _____

вход: 11³⁶ - 11³⁸

М2/

51748

1000

(45)

Композиционно рассказ Симоненко Криминального зеркала на четыре части. Первая часть — некое подобие экспозиции, в которой обрисовывается образ эпизода главного героя — директора Пушкинского кадетского Донева, замеченного чиновником неотложных дел и покорившимся своему музыкальному и утонченному обаянию. В этой же части вспоминаются еще два героя: пушкиновед Гричковский и поэт Салохинский. Их появление в рассказе заставляет отделить внимание, тем что я остановлюсь на этом по-подробнее.

Впервые они упоминаются еще в первом абзаце в чрезвычайном, одороженном как необходимо приглашении Донева, за себя которой мы сразу видим, как они отличаются. Типичный профессора — это Донев ванша, его приход — седые, вздохнувшиеся среди пыльных дел пыльничного дна. Но эти люди, которым издевается профессор, не понимают, что Донев это убийца и кемного более: издевание страха передает окнающее исчезновение этого перед этим макаром. Видите, конструируя из четырех слов —, макар пушкиновед профессор Гричковский “внедряет” очень выразительно. Но вот же в следующем абзаце этот образ разрушается. Профессор, заглянувший директора за полог и издеваясь, вспоминающий

51748

N.R.

Доневу и так всем известно и, на самом деле, не очень чужие
вещи — например, про отсутствие электрического света в
доме в начале девяностых лет, выглядят как
изделийской и недорёкий человек. Предмет, выполняющий
его глубину души, глубину проявления. Его интересует
какое-то нечто написание стихов, а не их содержания.
Предположим на знание пушкинской поэзии, он стремится
в образах найти реальную подоплеку. Для него
всего речи царства первых запросов могут оказаться
богий в доме или в клодце, потому что не вспомнет,
если хуже только грехи. Такая позиция, кстати, неизменна
для исследователя, иронично воспевающего автором
посредством введения комично звучащей каламбури
приной речи героя. Речевые обретки, или как
засторожно избыточно! и «кедакратко» вкупе со
словами о точной документации и анализе материала
звукят как камуфляжные, противные позы. Так,
ещё не уяснивши смысла речей героя, мы уже
получили его речевую характеристику.

Совсем по-другому предстаёт поэт Самоцкий.
Его трактовка тоже группируется в первом изложении, но
упоминает он всеобщую после кедровского обретка «как
то, а за». Мы понимаем, что где Донева это привод

ничего не знал он. Отдельно Саломейскому тоже посвящен целый абзац, который, тем не менее, первое впечатление произвело с отрицанием видела Григорьевского. Саломейскому же существует эпизодическое и непрекращающееся течение профессора, его стихи были напечатаны, там-то, тогда-то — все это означает неопределённое, что уменьшает значимость героя для Донева. Саломейский не требует, как профессор, а только выражает своеобразное недовольство. Об этом герое автор пишет тоже с яростью, начинаяющейся в стихах его фразами: Саломейский — это кто-то враг самородка, то со зимнейшим злакением, это как сердце, которое никто не спасал, а он сам из под земли вылез. Стихица его просьба о включении его стихов в альбом картины с группами изображенных воинствующими. Но всё же читатель испытывает сожаление к этому неизвестному, удручающему человеку.

И вдруг стихи попадают в благодаренное в рассказе, пропадают на целых две страницы, это очень неожиданный ход. Следующая часть рассказывает уже о родстве Донева, касающаяся, со множеством деталей — курка из ставки директора, обрывки телефонного разговора, она заставляет читателя

погодится об этих звуках персонажах. Отвлекусь от них и я и сосредоточусь на главном герое.

Danev - герой обездолености, у него нет свободной минутки и он постоянно вынужден вспоминать свою работу. Игрушка с закрытым музей у него является свободой действий. Примечательно, что оказалась в своём распоряжении, он может принести заработок, но на этот раз минуту, дополнительную. Но погодится в одиночестве ему так и не удаётся, на него сваливается новая обездоленность, которая не гостит для него. Всё дело в том, что Румянка слишком любит. Очень трепетно и очень любовно описана привычка рисовать, это обрачная, позитивная художница не покидает народ, каким Danev пишет свою едкость, прощесе разбрасывая которой для него очень неприятелей. Человек обездолености, он старается память помнить более однозначенно писать, он привыкает на концепцию мирологии и истории, но его текст очень сух и кукольный, ничего его склонено. Привлекательное для памяти понимания „много всадников“ образует свою позитивность, их народование только затрудняет понимание. Это очень хорошо

анализирует его изложение мира о Георгии Варене: «распространение предложений, следующие друг за другом, своей сущностью «убивают» мир народов и последующим напечатанием „таким образом“». К всё же оседле погибание Доневы неизбежно, е. он это понимает и, самое главное, может, «правда» в отдельных предложениях, например: „Вонь, рожение поганое все живое...“ Создаётся ощущение, что Донев наперекор старается приоткрыть свой истинный разбор. Об этом же свидетельствует ~~здесь~~ предложение „Он умел второго незапомнил, героя и снова начал писать стихи...“ Если вспомнить, что дальше, при описание погибших русичей, неожиданно упомянуто слово „роскошь“, то однокоренное ему „герой“ кроме своего обычного значения „благороден“, „исправлен“ приобретает значение борческого героя, который Донев разделяет собой и создавая. У Пушкина же это „блуждание героя“ выражается и проявляет Донева.

Всё, что тем привычно разглядывал в русичах Пушкина зритор, еще вспоминается в его оправдательной яви, оказавшейся виноватой.

~~сюж.~~ ском.

Переход из одной реальности в другую совершился не резкий. Читателю предупреждён, что Донев захватывает глаза не потому, что засыпает, а потому, что так ему легче дышаться. И вслух, не настроенный на склон реальности, читатель также не спасётся, как и Донев, становясь с Снегирём отчуждённым конем. Этот приём введения сюрреалистичных промежуточных з. Годлевска. В „Дон-Жуане“ или в „Несокончанном человеке“ мы до конца не знаем, что это или сон, настроенный на никакое развертывание композиции читатель воспринимает сюрреалистические события как происходящие в исходной реальности и только потом узнаёт, что это было сон. Такое необычное построение засадило сюрреалистическое образы осадению зрителями, осадению ограждениями.

dp.

Примечательно, что время, засланных вперед склонской линии рассказа, — это сумерки, самое сумеречное время, в которое один только разрыв между си небольшими солнечного света ограждения ~~засадил~~ напоминает нечто нереальное,

следующей оболочке будоражащего и сейчас
приглушенного. Сок Донева возникает не просто
так, это преобразование отдельные слова, расположенные
по тексту. Если соединить их, то они явно становятся
одними при воспроизведении между тем, что происходит
им всегда — „как нам доверено небесно”, — говорит
профессор, „как все обычно делают” — пишет слово
иеректор, „много раз и до того” привыкает его
запоминать рисунок, он „имел привычку загораживать
ноги”, и тем, кто происходит впервые, выходит на
известное ему „внезапно сквозь пухи”, „особенно
долго” Донев застывает на рисунке, „всем своим
стремлением гипнотизируя” и, напоследок, слово «диковина»
может легко заменяться переход в пространство
сил. После введения в подчиненную реальность
сок Донева внезапных и неожиданных событий
в конце концов возникает та оранжевая горячая
картина, которую они и предвосхилили.

Третья часть — сок паскальская со временем
неожиданно отрывается Коня, всплеском
изнурившегося персон, где то есть основание
предположить, что широко разворачивающаяся
оранжевая картинка была изведена Доневу

вдохновением, которое своим вдохновом передает ему
кошку. Интересно, что это сказочное переносное
пространство оказывается заключенным в
звуковом мире чиста. На протяжении всего
сюжета живущие в нем чисты будут описаны
как „конуры“, пейзаж будет передан через
„мими“ и „расчески“. Сам же Донев, оставаясь
в звуковом мире теряет свою обличность, от
кого зависит только вдохновение. Чистота же
предстает, появляясь „глупицой“, художественная
перспектива делает этот мир более изучимым
чем реальный мир Донева. В пространстве
сюжета существует несколько героев - кошка, превраща-
ющаяся в пепаса, вынужденно „портируемое“ в
звуковом мире Саломеей и Грушевским
и еще один герой: черная и белая, все они
стремятся к пепасу, он - центр этого мира.

Само превращение пепаса неизи полностью
повторяет описание отравившегося от подмышек
пепса расчески, который сам вернулся отравленный
своей кровью. Но есть рисунок, способный и в
реальном мире нейтрализовать любые зеркала, во
сне наполнив волшебством. Пепасу посвящено

сопутствуют эпитетам „редко“, „реже“ и „всегда“, которые так напоминают нам „методы поступать“, которых издал от него Данев.

Первое место сего дня, и два количественных персонажа. Семисекундий и Прорицатель пускаются за мной в погоню. Тот, как они подступаются к перасу, очень символично. Прорицатель подходит к нему — он хочет обуздать восхитение, воспользовавшись словами оных из без пристрастия соединениями, как это обычно делается с познанием Пушкина. Перас изображает его вверх, но и тут он не способен воспринять, и обрушивается на землю. Собственно другому подходит Семисекундий. Он робко приближается к хвосту, но на хвосте у коня змея, грозящая покорить все живое, он одроменен его наездом, так же как его стихии были одроменены и камни в недрах.

В притворе этот наездник называется другим паро-дипур. Белый — вспоминание прекрасного ^{Рим} чарана, он вступает тут, его появление закономерно в мире, где живут перасы и где находятся врачи изгнанников. Второй же, чёрный, в когах мы увидим одразу позже, с

одной стороны гусь золу нырну. Но окружавшие его павловские кусты заставляют понять, что он здесь находился не пропа. По-разному эти две природы говорят о нем. Греющие пчелы находятся в замкнутом, застывшем пространстве, а сюда Пушкин повеселуя, разлетел в воздухе и так невесом, что расплываются от резкого сжатия воздуха, —可是, такое же сражение наступило с золой в воздухе упавшей в едином из своих сих творений Барышников.

Рынок настолько заранее предопределен, что этого спасения из раздробленных золотых рисунков, которые разложены Доневу: он покончил с тем же, как птички из прогремевших у него в руках яиц, покончил на золотом быке возмущен. Согоревшее опущение, что создание Донева, гениальное с образом предсказано всем виденным им наизу. Оно не в первый раз, и вновь не случайно — герой — все герой, но и одарен в пределах своих трудов. С ним и не скроет удачу, своей способной бесконечно он привнес свою и мало бесподобным профессору и самосознанию.

Они, ~~насборот~~ не виноваты, но небрежны своей привычной боли: их единства разорвано, что, если продолжать ~~среди~~ ~~некоторую~~ одиночество, как плода труда, свидетельствует о их неудаче на избирательном поприще. Такие при вскрытии с величим они не пересказывают замыслы своим читательским землям — предисловия предвосхитят удачу или нет, при этом характерное значение этого произведения и значение пьесы, а самосовестный обличает свою настойчивую судьбу посрамительную. Он поборется звучание поэта, но его бурное первое впечатление на покорных и без вспоможения судии возникает свои надежды, пронизывает наружным на воздухе.

Малых певцов этой народной привлекла на слово внимания Пушкин будто бы не замечает. Для него самое главное — пение, заряжующее ему вдохновение. Из слов он тоже смирился не скажет, и откликается только на другие позывы. Он не находит Грушевского достоинства, ее говорит, что это было некогда. Но, упомянувшись им со временем, когда Доневу передадут этот сен, слова Пушкина наставят русце о том, что конкуренция

как можно говорить, этот процесс творения не привязан ни к тому конкретному времени

~~и~~ — Простаивает Донб се всем другим, вместо саби, где он отходит от него через силу находит уединение своей мысли, он прислушивается к личной творческой. "И руки тянутся к перу, неро к булаве..." — сейчас это как раз про него.

Свои еще склоняю о падении рассказа — "Рисунок перед". Слово "рисунок" говорит нам о том, что более волнистым является не описанский мир сна, а то, что его породило. Я уже говорила о том, что все, что мы воспринимаем сие Донбса уже давно им было замечено в реальности, даже появление Пушкина, скажем непредсказуемое и неожиданное, явно преувеличено словом ~~мы~~ всадник, написанным с заглавной буквой; это рассказ не о том, как сам поэт повлиял на человека, а о том, как сквозь время наше счастье зиждется на людях. Использовано в заглавии и слово "неро". Если вспомнить другое произведение Кропоткинского — рассказ "Гусь", то можно

запарушил, что тем погиб где вождение своего
автомобиля не хватало как раз перед, без него он
и мор измит своей вождением. А в этом
расчёте Донев пишет именно первым и первыми,
аи, как это звал Пушкин, а не первым
ером, бесстыдном замечании строки Саломеинки.
Я думаю, неслучайно рассказ о вождении,
пребражении человека ворческим оби написан
в тридцатые годы. В это время литература должна
редко занята в рамках, суждование
жизни и вождения ни во чём не ставилось,
и если были просто ~~применялись~~ реалистами.
то здесь человеку, привыкшему пребывать в
одном выражении себя не хватает именно
вождения. Этот рассказ знаменует
однажды ворческую над формальными
исследованиями и даёт возможность продолжения
расширенной великой литературы.

$$15 + 15 + 7 + 5 + 3$$

455.

Архипов П.А.

Варюшев Г.Г.

Работа холмогорского строителя, имеющая
наибольший интерес. При анализе её автор не

рассматриваясь комплекс пушинского
мл-ва, что не позволяет ему
принимающимовать тезис господства,
а вынуждает отдельное подтверждение,
т.е. "и т.д."